

Нѣсколько замѣчаній о древностяхъ, найденныхъ въ с. Парутигѣ въ 1891 г.

Дѣйстви. чл. А. В. Орѣшниковъ.

(Съ таблицю).

Въ апрѣлѣ 1891 года я былъ въ Одессѣ, гдѣ услыхалъ отъ одного собирателя древностей, что въ Парутигѣ весной того-же года была сдѣлана находка интересныхъ древностей, попавшая въ руки очаковскихъ Евреевъ. Имѣя намѣреніе посѣтить изъ Одессы ольвійское городище, лежащее въ 35 в. отъ Очакова, я рѣшился разыскать владельцев находки, съ цѣлью осмотрѣть приобретенныя ими вещи.

Съ Очаковской пристани я тотчасъ-же проѣхалъ въ с. Парутино, расположенное въ одной верстѣ отъ городища древней Ольвіи, гдѣ прожилъ 2 дня у управляющаго имѣніемъ гр. Мусинной-Пушкиной. Въ Парутигѣ я не могъ, по причинамъ, отъ меня не зависящимъ, обзорѣть мѣста находки, и посѣдилъ въ Очаковѣ, гдѣ и отыскалъ владельцев Парутинской находки. По разсказамъ Евреевъ, въ Парутигѣ крестьяне въ землѣ дворовъ своихъ домовъ часто находятъ древніе предметы, монеты, которые и сбываютъ въ Одессу и Кишиневъ; это выгодное дѣло заставило многихъ крестьянъ перервать свои дворы; по словамъ Евреевъ, при подобной раскопкѣ и обнаружилась въ землѣ гробница, стѣны которой, какъ они разсказывали, облицованы были камнемъ. Среди гробницы ¹⁾ на деревянномъ ложѣ, изгнѣвшіе куски котораго я видѣлъ, съ бронзовыми, на подобіе точечныхъ, ножками и такимъ же изголовьемъ лежала покойница (судя по украшениямъ, это непременно была женщина). Чело ея было украшено золотымъ погребальнымъ вѣнкомъ; на черепѣ лежали тонкіе золотые листики

¹⁾ Описаніе передно съ ихъ словъ, не ручаюсь за достоверность.

съ грубыми очертаніями, сдѣланными вглубь, глазныхъ зрачковъ, разрѣза рта и ушныхъ раковинъ (рис. 4—9) ¹⁾. Въ ушахъ находились золотыя серьги съ гранатами. Во рту найдена серебряная, сильно потертая, ольвійская монета—монета Харона. На шеѣ было 2 ожерелья: золотое, украшенное цвѣтными овальными и четырехугольными стеклами и золотыми подвѣсками, изъ которыхъ средняя въ видѣ почной бабочки (табл. I), и другое изъ твердыхъ прозрачныхъ бусъ; на груди находился

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

серебряный обронной работы медальонъ съ изображеніями Афродиты и двухъ Эротовъ; на пальцахъ 2 гладкихъ золотыхъ перстня съ рѣзными гранатами въ гнѣздахъ. Найденныя золотыя бляшки (рис. 1 и 2) очевидно были нашиты на одеждѣ; всѣ онѣ рельефныя, выпуклыя, съ изображеніями головокъ, комическихъ масокъ, просто гладкія и имѣютъ отверстія для пришивки.

¹⁾ Золотыхъ листиковъ съ изображеніями глазъ и рта найдено по два экземпляра; не было ли двухъ костяковъ?

Около покойницы найдены гладкое круглое бронзовое зеркало, костяная ложечка, глиняная лампочка съ профильнымъ изображеніемъ головы (рис. 3), небольшой сосудъ съ черною поливою и съ рельефнымъ орнаментомъ, глиняный сосудъ въ формѣ сидящаго льва съ раскраскою (рис. 10), и наконецъ, глиняная ваза съ горельефными фигурами и покрытая зеленою глазурью (табл. II—IV).

По словамъ Евреевъ всѣ эти предметы были пріобрѣтены ими у крестьянъ за 700 руб., и перепроданы московскому собирателю древностей г. Постникову.

Прежде, чѣмъ сказать нѣсколько словъ объ отдельныхъ предметахъ находки, я долженъ замѣтить, что всѣ вещи были показаны теперешнимъ ихъ владѣльцемъ нѣкоторымъ изъ Петербургскихъ археологовъ, изъ которыхъ одни признали всѣ вещи безусловно фальшивыми, другіе же находили только ожерелье или часть его настоящимъ, а прочее поддѣльнымъ, и это обстоятельство повергаетъ меня въ смущеніе, которое поправить теперь покуда невозможно, такъ какъ вещей въ Москвѣ нѣтъ, изслѣдовать же ихъ въ тѣ два раза, когда я ихъ видѣлъ, я не могъ, да и, кромѣ того, не предполагалъ въ нихъ видѣть поддѣлокъ: такъ благоприятно было ихъ общее впечатлѣніе, иначе я отнесся бы къ нимъ болѣе внимательно. Я позволю себѣ привести слѣдующее, не относящееся, впрочемъ, къ самимъ предметамъ, соображеніе, говорящее въ пользу ихъ подлинности: заплаченная Евреями цѣна 700 р. слишкомъ невелика, такъ какъ одного золота въ бляшкахъ, пластинкахъ и вѣнцѣ болѣе чѣмъ на 200 р., слѣдовательно, остальная сумма около 500 р. приходится на ожерелье, вазу, сосуды, перстни, и проч., — сумма за которую ни одинъ фальсификаторъ дѣлать подобныхъ вещей не станетъ: по какъ-бы то ни было, за невозможностью рѣшить этого вопроса, имѣя передъ собою только плохія фотографіи, буду говорить о нихъ, какъ подсказало мнѣ первое впечатлѣніе, какъ о вещахъ подлинныхъ ¹⁾.

Погребеніе, какое мы встрѣчаемъ въ настоящемъ случаѣ, ничѣмъ особеннымъ не выдается: это обыкновенная могила богатаго человѣка, на что указываетъ обиліе драгоценныхъ вещей и обдѣлка стѣнъ камнемъ; подобныя могилы встрѣчались при раскопкахъ въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ. Погребальное ложе, какое найдено въ Царутинѣ, также бывало находимо въ гробницахъ, и однимъ подобнымъ ложемъ съ реставраціею деревянныхъ частей мы теперь можемъ любоваться въ Керченской залѣ Императорскаго Эрмитажа.

¹⁾ После прочтенія настоящей замѣтки въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества я имѣлъ возможность осмотрѣть все находку и убѣдиться въ вѣрности моего перваго впечатлѣнія.

Но единственною оригинальною особенностью погребенія представляють тѣ золотыя тонкія пластинки съ контурными грубыми очертаніями глазъ, рта и ушей (рис. 4—9). Если онѣ не продуктъ фальсификаціи очаковскихъ антикваріевъ, то представляютъ единственный извѣстный миѣ примѣръ подобнаго украшенія лица покойника. Какъ на одинъ изъ признаковъ поддѣльности ихъ миѣ указывали на отсутствіе на поверхности той красноватой патины, которую имѣютъ болѣею частію всѣ золотыя вещи, пролежавшія цѣлыя вѣка въ землѣ, но я видалъ

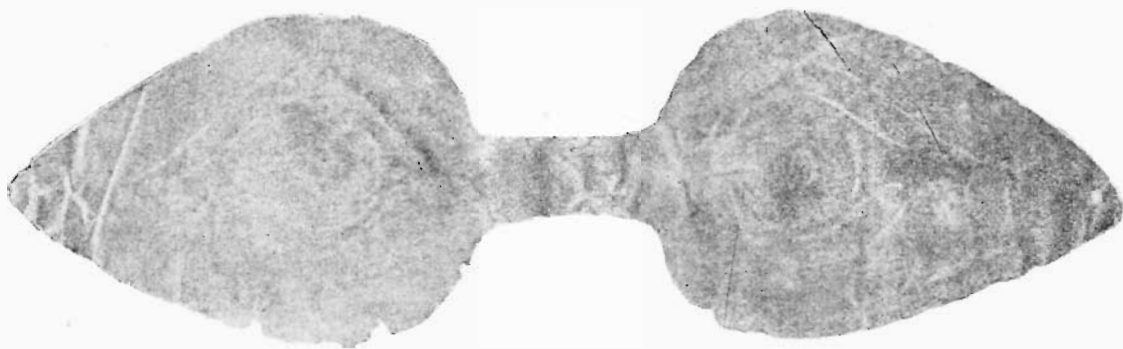

Рис. 4.

Рис. 5.

золото изъ гробницъ и безъ патины, такъ что отсутствіе патины на нихъ не можетъ еще служить признакомъ ихъ поддѣльности.

Подражаніе головной прическѣ изъ золота извѣстны: такъ, на примѣръ, въ гробницѣ Павловскаго кургана близъ Керчи найдено было въ 50-хъ г. подобное украшеніе (Отч. Арх. Комм. 1859, стр. 120). Затѣмъ въ курганѣ „Большой Близницы“ вмѣстѣ съ золотымъ калаосомъ на головѣ покойницы найдена золотая стленида (названіе дано за сходство со скребницейю), въ формѣ налобной прически изъ мелкихъ завитковъ со спускающимися вдоль висковъ локонами; но подражаній изъ золота или другаго металла отдѣльнымъ частямъ лица до сихъ поръ не было найдено. Такимъ образомъ, примѣръ личнаго украшенія покойницы въ Парутинской гробницѣ, являясь покуда единственнымъ, можетъ быть

только сравненъ съ погребальными масками, найденными какъ въ Южной Россіи, такъ и въ разныхъ мѣстахъ Европы.

Обычай погребать умершихъ въ маскахъ существовалъ еще въ глубокой древности: въ Египтѣ многія муміи найдены съ масками на лицахъ: Луврскій музей имѣеть нѣсколько золотыхъ масокъ, извлеченныхъ изъ египетскихъ гробницъ. Въ Ниневіи были также найдены 2 золотыя маски, хранящіяся теперь въ Британскомъ музеѣ. По словамъ

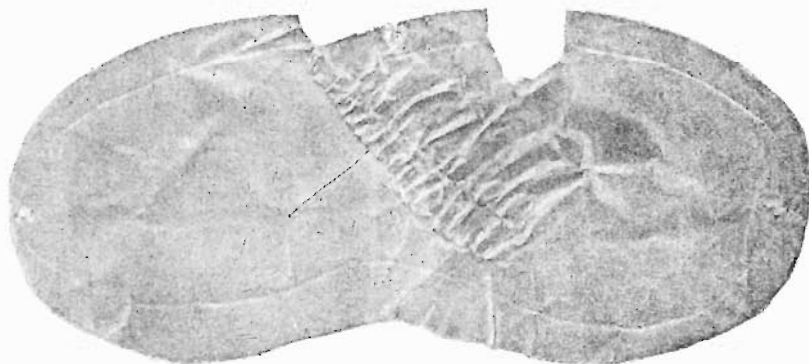

Рис. 6.

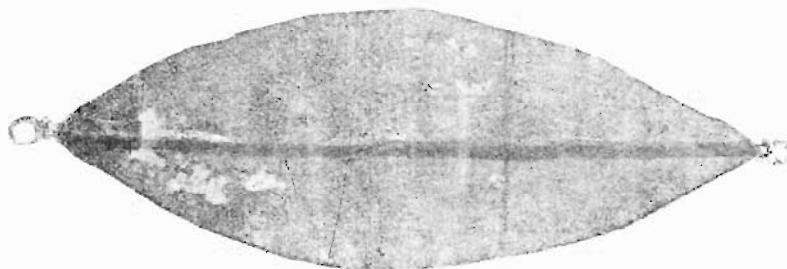

Рис. 7.

Шлимана (Мукаснас, р. 236), въ Финикіи была найдена золотая маска ребенка.

Но о погребеніи съ масками на лицахъ покойниковъ у древнихъ писателей нѣтъ никакихъ указаній, тѣмъ не менѣе этотъ обычай существовалъ, и нѣмецкій ученый Бендорфъ въ своемъ сочиненіи „Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken“ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ находокъ масокъ въ гробницахъ на лицахъ умершихъ и затѣмъ случайно найденныхъ, которыя онъ также относитъ къ погребальнымъ, и, такимъ образомъ, разъ находки обнаружили фактъ присутствія масокъ на умершихъ, слѣдовательно, обычай этотъ погребать въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ масками существовалъ.

Кромѣ упомянутыхъ случаевъ находокъ масокъ въ Египтѣ и Ниневіи,

Бендорфъ, упоминаетъ о глиняной маскѣ бородатого мужчины, найденной въ одной изъ гробницъ Кароагена, а затѣмъ о нѣсколькихъ подобныхъ же маскахъ изъ гробницъ Туниса и Сардиніи. Шлиманъ въ микенскихъ гробницахъ нашелъ шесть прекрасно сохранившихся золотыхъ масокъ, наконецъ, раскопки въ Южной Россіи дали двѣ золотыхъ маски: одну въ Керченской гробницѣ, открытой Ашикомъ въ 1837 г. и сохраняемой теперь въ Эрмитажѣ, и другую, открытую покойнымъ гр. Уваровымъ въ одной изъ гробницъ, найденной при его раскопкахъ ольвійскаго городища. Обѣ послѣднія маски, судя по открытымъ вмѣстѣ

Рис. 8.

Рис. 9.

съ ними предметовъ, относятся къ III вѣку, послѣ Р. X. Кромѣ масокъ изъ золота бывали находимы и изъ другихъ металловъ: во Франціи въ 1836 году были найдены 2 серебряныя маски римской эпохи; бронзовыхъ существуетъ цѣлый рядъ, найденныхъ въ гробницахъ и случайно въ разныхъ мѣстахъ Европы: во Франціи, Южной Италіи, Люксембургѣ и т. д. Нѣсколько желѣзныхъ позолоченныхъ масокъ найдено во Франціи, Италіи и Голландіи ¹⁾. Глиняныхъ масокъ, воспроизводящихъ человѣческія лица, также найдено значительное количество, и особенно любопытны двѣ (Бенд., т. XI) изъ древней Этрусской гробницы въ Кіузи,

¹⁾ Желѣзныя маски найдены также съ Россіи: въ Кіевской губ. Н. Е. Браденбургомъ и въ Херсонесѣ; послѣдняя, хранящаяся въ Историческомъ Музее, имѣетъ бронзовыя уши. Большая часть желѣзныхъ масокъ, вѣроятно, составляла часть (лижнюю) шлема, но, однако, не при всѣхъ маскахъ найдены шлемы.

представляющія большой интересъ для археологовъ по тѣмъ рисункамъ, которыми ея поверхность покрыта вся ихъ поверхность. Характерна также по необыкновенно реальной передачѣ портретныхъ чертъ человеческого лица глиняная маска изъ некрополя римской эпохи, открытаго въ 1874 г. въ Португаліи близъ Лиссабона (Бендъ, XVI, 1). Что же касается глиняныхъ масокъ изъ керченскихъ гробницъ, хранящихся въ Эрмитажѣ, о которыхъ упоминаетъ Бендорфъ (стр. 51), и относимыхъ имъ также къ погребальнымъ, то противъ отнесенія Бендорфомъ глиняныхъ масокъ, особенно Керченскихъ, къ погребальнымъ, выступилъ акад. Стефани (Отч. 1878—79), который цѣлымъ рядомъ примѣровъ доказалъ, что онѣ ни коимъ образомъ погребальными быть не могутъ ни по размѣрамъ своимъ, во первыхъ, ни, наконецъ, потому, что не имѣютъ ни малѣйшаго признака портретныхъ чертъ, которыми отличаются металлическія маски, и вдобавокъ ни одна изъ нихъ не была найдена на лицѣ покойника; впрочемъ, замѣчанія Стефани идутъ противъ мнѣнія Бендорфа объ обычаѣ у *Грековъ* покрывать лица умершихъ глиняными масками; про подобный обычай у *Римлянъ* онъ не касается.

Всѣ перечисленныя Бендорфомъ находки масокъ относятся ко временамъ, начиная отъ древнѣйшихъ до римскихъ, но, между прочимъ, упоминаю, что маски были находимы и въ древнихъ могилахъ Мексиканскихъ и Перуанскихъ, принадлежавшихъ тамошнимъ обитателямъ; найденныя въ тѣхъ гробницахъ маски сдѣланы изъ камня или изъ какого либо твердаго матеріала, и, наконецъ, въ Сибири, въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губ., на черепахъ костяковъ найдены гипсовыя раскрашенныя маски, хранящіяся въ Историческомъ Музеѣ.

Обычай класть маски на лицо можно объяснить только предположительно за невмѣнимъ другихъ данныхъ, и дѣлалось, вѣроятно, съ религіозной цѣлью: покуда тѣло не погребено, оно должно было сохранять видъ живаго человѣка или, по крайней мѣрѣ, искусственно производить это впечатлѣніе, поэтому у богатыхъ Грековъ и Римлянъ маска особенно была необходима въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо было искажено ранами или предсмертными страданіями, и тѣло оставалось не погребеннымъ или не сожженнымъ ради приготовленій къ пышнымъ похоронамъ иногда нѣсколько дней, что при жаркомъ климатѣ Греціи или Италіи дѣлать было неудобно, такъ какъ тѣло, иногда плохо набальзамированное, подвергалось порчѣ, и лицо, конечно, теряло еще болѣе сходство, то маска была необходима, какъ искусственное подражаніе лицу. Что маски имѣли портретное сходство, подтвержденіемъ можетъ служить золотая керченская маска женщины, очевидно сдѣланная по гипсовому слѣдку съ лица, спокойствіе смерти котораго особенно ясно выражено

въ нижней части лица (Бенд., т. II). Стремленіе къ передачѣ индивидуальныхъ чертъ видно также въ микенскихъ маскахъ, открытыхъ Шлиманомъ и во многихъ металлическихъ и глиняныхъ маскахъ римскихъ временъ, изображенныхъ у Бендорфа.

Обычай сохранять видъ живаго лица въ видѣ маски имѣеть сходство съ обычаемъ помѣщать восковое изображеніе головы или бюста при похоронной процессіи на гробъ, о чемъ мы имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ писателей (Діона Кассія, Плутарха, Светонія); для примѣра приведу свидѣтельство Д. Кассія о перенесеніи тѣла имп. Августа послѣ смерти его изъ Нолы въ Римъ для сожженія; по прибытіи тѣла въ Римъ, оно было выставлено во дворцѣ, и на гробѣ находилось восковое изображеніе императора. Подобныя портретныя восковыя изображенія Римляне послѣ смерти помѣщались въ особо устроенныхъ шкафчикахъ, въ видѣ храмовъ, гдѣ имъ домашними воздавались поклоненія.

Съ преданіемъ усопшаго землѣ маска безъ сомнѣнія получала профилактическое значеніе, какъ вѣчто предохраняющее, предотвращающее, пугающее, что еще болѣе усиливалось, когда она была изъ золота, металла, имѣвшаго, по повѣстію древнихъ, особую силу противъ зла, несчастія и т. д.; вотъ почему мы находимъ въ гробницахъ такъ много золотыхъ вещей. Также и маски, находимыя въ гробницахъ, алебастровыя и глиняныя съ лицами Горгонъ и разныхъ божествъ культа Діониса, Иракла, кляшею съ покойниками, какъ предметы профилактическаго свойства.

Какъ мы видѣли, всѣ маски имѣли видъ болѣе или менѣе живаго лица, чего рѣшительно нельзя сказать про листочки золота Парутинской гробницы съ грубыми изображеніями частей лица. Я бы объяснилъ это слѣдующимъ образомъ: если допустить, что первоначальный обычай сохранять дорогія для окружающихъ черты лица умершаго, перешелъ въ обыкновенный религіозный обрядъ, то возможно, что въ данномъ случаѣ эти листики замѣнили маску. Кромѣ того, я принялъ бы въ соображеніе и ту печальную эпоху, когда Оливія едва-едва могла поправиться отъ постигшаго ее страшнаго разоренія (о чемъ скажу ниже), и когда, какъ я предполагаю, была зарыта гробница; едва ли тогда можно было найти золотыхъ дѣлъ мастера для изготовленія погребальной маски.

Украшеніемъ чела покойницы служилъ вѣнокъ изъ золотыхъ листьевъ сельдерея, растенія, прпвоеннаго погребальному ритуалу, и которое древніе воздерживались употреблять въ пищу, такъ какъ оно, по словамъ Плинія Старшаго (XX, 44), предназначалось исключительно для пировъ въ память усопшаго.

Работа листовъ вѣнка очень заурядная и они далеко не достигаютъ той реальной красоты, которую имѣютъ многіе прекрасные вѣнки изъ гробницъ Керчи и Тамани, украшающіе витрины Эрмитажа. Золотыя серьги покойницы довольно изящны, хотя и уступаютъ многимъ серьгамъ гробницъ Южной Россіи. Серьги состоятъ каждая изъ овальнаго граната въ золотой оправѣ со сканью, внизу привѣски въ формѣ вазочекъ изъ горнаго хрустала и золота и шесть золотыхъ цѣпочекъ, висящихъ по сторонамъ вазочки (см. табл. I, 1).

Ожерелье, украшавшее шею покойницы, довольно тонкой работы, скорѣе интересно по своей варварской оригинальности, чѣмъ по изяществу стила. Подобное ожерелье мнѣ впервые приходится встрѣчать изъ раскопокъ нашего классическаго юга. Въ немъ прекрасно выражается упадокъ вкуса и пристрастіе къ цвѣтнымъ стекламъ, его украшающимъ. Оно состоитъ изъ пяти синяго цвѣта стеколъ (2 четырехугольной формы, остальные овальныя), вставленныхъ въ золотыя нѣзда, украшенныя сканью, мелкими стеклышками и мелкими золотыми чашечками цвѣтовъ и изъ двухъ цѣпочекъ, сплетенныхъ изъ тонкой золотой проволоки. Концы цѣпочекъ, придерживающіе среднюю часть ожерелья, имѣютъ по бусѣ изъ горнаго хрустала и по золотой головкѣ животнаго, походяго, судя по острокопечнымъ ушамъ, на рысь. Къ средней бляшкѣ прикрѣплена на петляхъ золотая бабочка, напоминающая по формѣ крыльевъ, почую; каждое крыло украшено тремя стеклами синяго и зеленаго цвѣта; также тѣлце бабочки сдѣлано изъ стекла (цвѣта разобрать нельзя, такъ какъ стекло окислилось); на мѣстѣ головки вставленъ неправильной формы зеленый камень, вѣроятно, изумрудъ. Къ двумъ боковымъ бляшкамъ прикрѣплены золотыя со сканью привѣски въ формѣ серегъ, со вставленными въ нижнюю часть плоскими розоваго цвѣта стеклами и зелеными камнями, вѣроятно, изумрудами, въ верхнюю. Отъ головокъ рысей къ привѣскамъ и крыльямъ бабочки протянуты золотыя цѣпочки (см. табл. I, 2). Подобный сюжетъ въ украшеніи, какъ бабочка, очень рѣдокъ. Покойный академикъ Стефанъ посвятилъ цѣлое изслѣдованіе (Отч. Арх. Комм. за 1877 г.) изображеніямъ бабочки на памятникахъ древности и въ длинномъ перечнѣ античныхъ произведеній, сообщаемыхъ имъ, я не нашелъ ни одного подобнаго украшенія изъ золота, и вообще золотое изображеніе бабочки встрѣчается рѣдко; кромѣ Микенскихъ бляшекъ, кажется, не найдено ни одного. Наибольшее количество изображеній бабочки приходится на рѣзные камни, фрески, и другіе памятники. Встрѣчаются бабочки также и на монетахъ золотыхъ серебряныхъ и бронзовыхъ римскихъ, временъ республики, имперіи, родосскихъ и другихъ, но не какъ самостоятель-

ное изображеніе, а какъ символъ или гербъ могущественнаго чиновника при другомъ изображеніи.

Вообще бабочка въ греческихъ произведеніяхъ искусства появляется сравнительно поздно; по мнѣнію Стефани, никакъ не ранѣе III ст. до Р. X.; на египетскихъ памятникахъ, по его словамъ, она совсѣмъ не встрѣчается. Здѣсь я долженъ немного отступить, напоминая про микенскія изображенія бабочекъ, которыхъ археологи теперь относятъ по крайней мѣрѣ къ VII ст. до Р. X., чего Стефани совсѣмъ не признаетъ (въ его время микенскія древности относили еще къ болѣе отдаленной эпохѣ) и считаетъ присутствіе изображенія бабочекъ однимъ изъ доказательствъ къ ихъ позднему, къ III в. послѣ Р. X., происхожденію.

Изображеніе бабочки на нашемъ ожерельѣ едва ли можетъ имѣть какое либо значеніе, относящееся къ погребальному культу или какъ изображеніе профилактическое, какъ, напримѣръ, вънокъ изъ листьемъ сельдерея или погребальная маска, но просто, какъ украшеніе и къ тому же очень удобное для воспроизведенія посредствомъ цвѣтныхъ стеколъ и каменной нестрыхъ крыльцевъ насѣкомаго, тѣмъ болѣе нестрота соответствовала варварскому вкусу жителей Ольвій той эпохи, когда сдѣлано это ожерелье. Съ бабочкой въ древности не связывалось ни религіознаго, ни мнѣческаго понятія, и древніе писатели говорятъ только о ея физической жизни (см. тексты у Стефани Отч., стр. 58—61), что еще болѣе подтверждается отсутствіемъ памятниковъ далѣе III ст. до Р. X. По гречески *ψυχή* означаетъ и бабочку и душу, но, по мнѣнію Стефани, Греки въ болѣе древнюю эпоху, по крайней мѣрѣ до III ст. до Р. X., не подразумѣвали въ словѣ *ψυχή* собственно душу человѣка, а скорѣе жизненную силу, и только въ болѣе позднее время, около Р. X., бабочка стала считаться символомъ не только человѣческой души, но и присущей всемъ организмамъ жизненной силы. Свои воззрѣнія Стефани подкрѣпляетъ множествомъ памятниковъ съ изображеніями бабочки, какъ представительницы жизненной силы, а затѣмъ какъ человѣческой души въ различныхъ сочетаніяхъ. Я напоминая изображеніе бабочки, какъ человѣческой души, на Каштолійскомъ саркофагѣ, гдѣ Аѳина сакаетъ на голову новосозданнаго Прометеемъ человѣка бабочку. Такимъ образомъ ожерелье представляетъ рѣдкій образецъ по своимъ деталямъ, и остается пожалѣть, что нѣтъ оригинала для разсмотрѣнія его техники. Прочіе предметы изъ золота и серебра, повидимому, ничего не представляютъ особеннаго; сердолиты въ гладкихъ перстняхъ имѣютъ довольно простыя изображенія. Серебряный окислившійся медальонъ, обронной работы, лежавшій на груди покойницы, носитъ поясное изображеніе Афродиты съ таковыми же изображеніями двухъ Эротовъ слѣва

нѣскольکو замѣчаній о древностяхъ, найденныхъ въ с. Парутнѣ. 11

и справа. Совершенно такіе же медальоны находимы были въ Керченскихъ гробницахъ, и въ Эрмитажѣ ихъ не мало; нѣскольکو подобныхъ

Рис. 10.

медальоновъ издано въ Отчетахъ Арх. Комиссiи. Что же касается керамическихъ издѣлій, то выдающагося по работѣ и стилю, кромѣ вазы, о которой будетъ говорить А. Н. Шварцъ, нѣтъ ни одного. Интересно

сосудъ въ формѣ сидящаго на заднихъ лапахъ льва (рис. 10), покрашеного, сколько помнится, красновато-бурую краскою. Этотъ сосудъ болѣе другихъ предметовъ возбуждалъ сомнѣнiе, но, по моему, онъ едва ли фальшивый. Совершенно такого-же характера находится сосудъ въ Историческомъ Музеѣ, также ольвійскаго происхожденiя, представляющiй лежащую овцу, и затѣмъ сосудъ въ формѣ головы лошади изъ раскопокъ гр. Уварова, и изданный имъ въ атласѣ Древностей Южной Россiи. Грубость стили и работы свидѣтельствуютъ о его позднемъ, римскихъ временъ, происхожденiи.

Теперь мнѣ остается сказать о памятникѣ, по сохранности своей занимающемъ послѣднее мѣсто, но имѣющемъ не послѣднее значенiе въ ряду всей находки; я говорю о монетѣ Харона, найденной въ черепкѣ покойницы. Монета серебряная, чеканенная въ Ольвiи; имѣетъ на лицевой сторонѣ голову Аполлона, на обратной лиру; монета очень потертая, что свидѣтельствуетъ о ея долговременномъ обращенiи. Стилъ монеты допускаетъ ее отнести ко времени около 100 лѣтъ до Р. X., но клеймо, находящееся на лицевой ея сторонѣ, показываетъ, что монета была признана много лѣтъ спустя, несмотря на ея потертость, годною къ обращенiю, и я предполагаю, что то критическое время для экономическаго быта Ольвiи было I в. по Р. X. Какъ извѣстно, въ половинѣ I в. до Р. X. Ольвiя была страшно разорена Гетами. Разоренiе было полное, зданiя всѣ были разрушены и жители разбѣжались, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельство у Дiона Хрисостома, посѣтившаго Ольвiю черезъ 150 л. послѣ разоренiя. Съ разрушенiемъ города греческiе купцы перестали прiѣзжать туда, что очень невыгодно отразилось на экономическомъ благосостоянiи окрестныхъ Скивовъ и вообще варварскихъ народовъ, во множествѣ кочевавшихъ въ окрестностяхъ Ольвiи и мѣнявшихъ свои произведенiя на греческiя, и это обстоятельство заставило ихъ упрощить разбѣжавшихся жителей возстановить городъ, который и былъ вновь отстроенъ около времени Р. X. Къ этому-то времени, т. е. къ I в. по Р. X. я и отношу монету, т. е. собственно ея вторичный выпускъ для обращенiя посредствомъ наложенiя клейма; конечно, ранѣе этой эпохи нельзя отнести и всего погребенiя. Что же касается двухъ большихъ литыхъ бронзовыхъ монетъ, проданныхъ Евреями г. Постникову вмѣстѣ со всею находкою, то я ихъ во время моего посѣщенiя Очакова не видалъ, и онѣ никакимъ образомъ не могутъ принадлежать къ ней ни по времени ихъ литья, ни по вѣшнему виду: онѣ лишены всякой патины, чего допустить невозможно, такъ какъ извлеченныя изъ гробницы одновременно поклаи погребальнаго ложа покрыты густымъ слоемъ окиси; наконецъ, время обращенiя одной изъ нихъ, съ головою

Горгопы, можетъ быть отнесено къ V в. до Р. X., а другой съ жемскою головою въ ожерельѣ къ IV в. до Р. X.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о селѣ Царутинѣ, гдѣ обнаружена была гробница. Оно расположено на крутомъ правомъ берегу Буга, въ 1 верстѣ за городищемъ Ольвн, если ѣхать изъ Очакова. Крестьяне находятъ, какъ я уже раньше сказалъ, всевозможные древніе предметы, сосуды, бронзовыя подѣлки въ обломкахъ и наконецъ, обнаружена каменная гробница; не можетъ ли это позволить высказать предположеніе, что на мѣстѣ с. Царутина была Ольвійскій некрополь.

20 декабря 1891 г.

Изъ „Древностей“. Т. XV.

